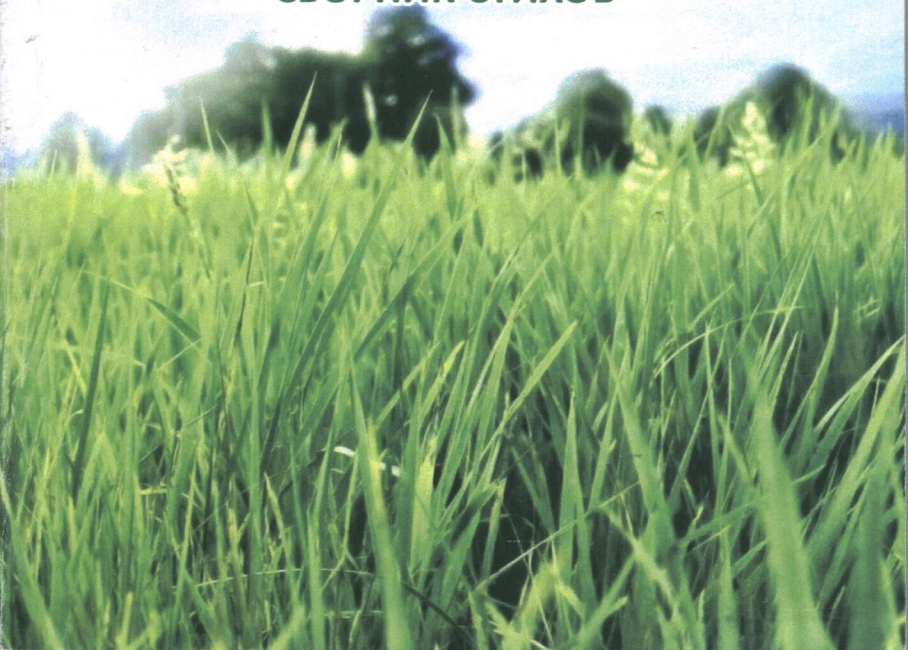
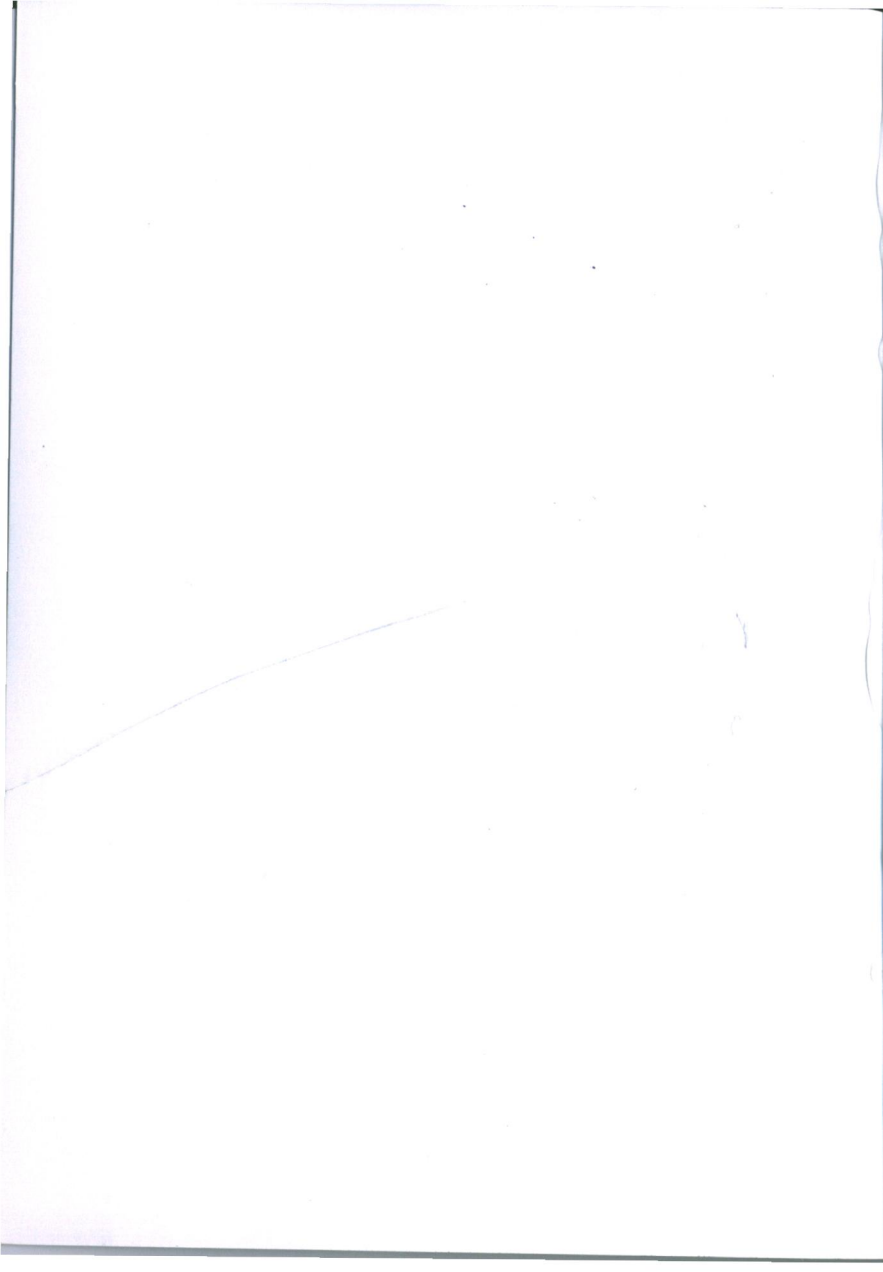

П. В. ПОХАБОВ

*Скажи мне,
планета Земля...*

СБОРНИК СТИХОВ

П. В. ПОХАБОВ

Татьяне Вахерьевне
от автора

СКАЖИ МНЕ,
ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ...

Сборник стихов

Кемерово
Кузбассвузиздат
2014

ББК 84Р7-5
П41

Похабов П. В.

П41 Скажи мне, планета Земля...: сборник стихов /
П. В. Похабов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2014. – 75 с.

ISBN 978-5-202-01260-0.

ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-202-01260-0

© Похабов П. В., 2014

© Изд-во «Кузбассвуиздат», 2014

От автора

В этом сборнике я пытаюсь выразить свое мнение о происходящем вокруг, прикоснуться к историческим событиям, а именно Великой Отечественной войне, рассказать о своих родных и близких, почтить их память.

Люблю все родное, русское, поэтому негативно отношусь к засилью «западщины» в родной речи, культуре, образе жизни и мышлении. Нынешние события показывают, что Западу нужна покорная, покладистая, бессловесная Россия, пляшущая под чужую дудку. Нужны ее природные богатства, причем если не задаром, то по бросовой цене.

Всею душой ненавижу ложь, предательство, коварство, измену, провокаторство. Трепетно люблю родные просторы: леса и поля, реки и моря – все, что именуется словом «Родина».

НАМ НЕ ВСТРЕТИТЬСЯ

Нам не встретиться знойным летом,
Письма шлю, не приходит ответа,
А скупые слова телеграммы
Слезы льют на портретик мамин.
Нам не встретиться пышной осенью,
Листья кружат, ложатся на озимь.
Я приеду, меня не встретят,
Лишь подует неласковый ветер.
Нам не встретиться белой зимою,
Постучу в дверь, никто не откроет,
Не улыбнется, не скажет: «Здравствуй,
Проходи, живи здесь и царствуй!»
Нам не встретиться ранней весной,
Когда птицы вернутся домой.
Я люблю птиц пение слушать,
Вместе с ними поют наши души.
Нам не встретиться в солнечный полдень.
Мне осталось любить вас и помнить...

ДИАЛОГ

Я приду в твои сны белым снегом,
Летним зноем, опавшей листвой.
И неважно, где бы я ни был,
Вспоминай обо мне, ангел мой.

Я приду, когда станет несладко,
Быт заест, одолеет жите.е.
Не грусти, смахни слезы украдкой,
Синеглазое счастье мое.

Я приду из далекой пустыни
Посмотреть, что же деется тут.
Пусть любовь в твоём сердце не стынет,
Я люблю, когда помнят и ждут.

Ты ворвись в мои сны буйным ветром,
Ясным днем или теплым дождем.
И неважно, где бы ты ни был,
Мы тебя любим, помним и ждем!

Хрупкий листик надежды с тонкой ветки сорвется,
Твоих светлых волос незаметно коснется.
И сухая листва зашуршит под ногами.
Эту грустную осень мы придумали сами.

Чуть займется рассвет, я отправлюсь в дорогу.
В твоих ясных глазах поселится тревога.
Путь-дорога лежит за высокие горы,
И вдали остаются дорогие просторы.

Мне помашет крылом пролетающий сокол,
И кивнет головой нестареющий тополь.
Древний лес загорюет над моею судьбою,
А тропинка-шалунья позовет за собою.

Я в краях тех далеких все вопросы решу
И весной синеокой в милый край поспешу,
И раздастся в ночи лошадей гулкий топот,
Я домой возвращусь под сиреневый шепот!
Я вернусь навсегда, так как парень не промах,
И тебе подарю обаянье черемух.

Унылый взгляд, опущенные плечи
И плотно сжатый старческий роток,
А я спешу, спешу к тебе навстречу.
— Не поддавайся времени, браток!
Коль будем живы-здравы, то увидимся
И не один еще закрутим «сухой лист».
Коль канем в вечность, на судьбу обидимся,
Нас приютит печальный обелиск.
— А что мы оставим потомкам с тобой?
— И звездное небо, и шар голубой!
Успехи в труде, семена в борозде
И знойное солнце в холодной воде,
Трудяг-работяг и трудягу-завод,
И солнечных дней золотой небосвод,
Рассказы о том, как любить и дружить,
И может, останемся в памяти жить.

ПАМЯТИ БРАТА

Сквозь толщу лет в звенящей тишине
Мой средний брат явился мне во сне.
Был неприступен, словно Измаил,
Михась, Мишутка, Мишка, Михаил.
Он говорил со мною, говорил,
Десяток сигареток искурил,
Лукаво щурил светлые глаза,
Тоскливо дым пуская в небеса.
Он сетовал: «Так обидно, брат,
Что прошлое нельзя вернуть назад.
Я слишком рано в мир иной ушел
И повесть своей жизни не прочел,
Не сбегал на заброшенный причал,
Недолюбил, недогрустил, недоскучал,
Не услышал, как плачут журавли,
В ладонях не размял комок земли,
Малиновки не слышал голосок
И не поднял созревший колосок,
Не уберег последнюю любовь,
К родным истокам не вернулся вновь.
Ты помнишь, брат, то было так давно:
Мы, мальчуганы, бегали в кино
Босою, голопятою шпаной.

И дождик шел веселый, озорной,
Стегал нас, босоногих, как бичом,
Да только нам все было нипочем.
Наш город посвежел, помолодел.
Кто правил бал, сегодня не у дел.
И жизнь идет своею чередой,
А ты, братишка, стал совсем седой».
Сквозь толщу лет в звенящей тишине
Мой средний брат явился мне во сне.

АПОКАЛИПСИС

Говорят, что майя напроорочили
 (Будь неладны эти вещуны!),
 Что жизнь на белом свете скоро кончится,
 Но, однако, слухи не верны.
 Я спросил потомка древних майя:
 – Ты скажи мне, краснолицый брат,
 Неужели вся цивилизация
 Загремит, покатится назад?
 Мигом рухнет все и опустеет,
 И опять закружит воронье?
 И ответил брат мой краснолицый:
 – Не волнуйся, это все вранье!
 Майя гибель никому не прочили,
 Изучали летопись веков
 И рисунки делали наскальные
 По совету мудрых стариков.
 Ничего с планетой не случится,
 Только станет краше во сто крат.
 Люди вечно будут жить и веселиться,
 Ты поверь мне, бледнолицый брат.

* * *

По утрам вороний гомон да сорочий перезвон.
Очарован, околдован, окольцован и влюблен.
И с глазами нараспашку и во сне, и наяву
Баттерфляем и вразмашку
морем жизненным плыву.

А глаза твои шальные за собой меня манят
И ласкают, и целуют, и ревнуют, и казнят.

Мне давно уже не спится
На тревожном берегу.
— Не гони, постой, возница,
Я так больше не могу!

Перекурим, пересудим все дела минувших дней
И отцов помянем наших, и помянем матерей...

По утрам вороний гомон
Да сорочий перезвон.
Очарован, околдован,
Окольцован и влюблен.

* * *

Темный лес, а над лесом луна.
– Уезжаем служить, старина!
А колеса стучат: тук да тук
И увозят ребят от подруг.
И звучит под прощальную грусть:
– Я вернусь, я вернусь, я вернусь!
Не помеха снега и дожди,
Ты дождись! Ты дождись! Ты дождись!
Разорвать проще замкнутый круг,
Чем ребятам прожить без подруг.
Пусть с луной уплывет моя грусть.
Я вернусь, я вернусь, я вернусь!
Строевая, ученья, броски.
Я, наверно, пропал бы с тоски,
Но в нагрудном кармане письмо,
От тоски защищает оно:
– Одолей все снега и дожди,
Отслужи! Отслужи! Отслужи!
В сторону все обиды и хворь,
И седины отцов не позорь.
И мы вместе тебя будем ждать:
Мать, подруга и Родина-мать.
А потом был горячий Афган,

Гимнастерка промокла от ран.
В роте жив только каждый шестой,
И рукав гимнастерки пустой.
Рана ноет, и сердце болит:
Был здоров, а теперь инвалид.
Был вчера лишь безусый пацан,
И уже ветеран, ветеран.
Прилетело письмо за бедой:
— Поправляйся скорей, молодой,
Возвращайся домой, будем ждать.
Мать, подруга и Родина-мать.

Анталья, Рим, Венеция, Париж...
Там в декабре, как будто в нашем мае,
Там нет обледенелых стылых крыш,
Там хорошо, но я хочу в Дубаи.
Гляжу на карту: реки, города,
Вершины, пики, океаны, штаты,
Алжир, Тунис, Нувейба, Хургада,
Катар, Габон, а вот и Эмираты.
Иду на борт средь бела дня,
А галстук давит — не выдохнуть, не охнуть.
Напрасно говорила мне родня:
— Летишь в Даху, бери с собой доху.
И лайнер взмыл, под нами города,
Вершины, пики, океаны, штаты,
Алжир, Тунис, Нувейба, Хургада,
Катар, Габон, а вот и Эмираты.
Гуляют чинно здесь — богема, опера,
Но не видать кудесников пера.
И депутаты, гордость страны нашей,
Несут достойно здесь российский стяг,
С ними гуляют школьницы вчерашние,
Но не видать заезжих работяг.
А что им делать в выси поднебесной,

Где правят бал Земфира и Зухра?
Ведь дома Пелагеи и Олеси –
Хранительницы света и добра!
Дубаи встретил радушно, тепло.
Здесь то же небо, только очень синее.
И солнце светит ласково, светло.
Здесь хорошо, но я хочу в Россию!

Бой не закончен.
Возле дома лежит
Малолетняя девочка,
Лет восьми-десяти.
Чудо глаз васильковых.
Ясный солнечный взгляд.
Зубы дробь барабанят
Невпопад, невпопад.
Мое сердце кричало:
— Помоги, подними!
Ее губы шептали:
— Шер ами! Шер ами!
Так, спасая девчушку,
Угодил к фрицам в плен.
Ее звали Еленой,
По-французски Элен.
Я в плену чудом выжил,
Вот те истинный крест,
И вернулся на Родину,
В тихий город Порецк.
Годы быстро бежали,
Словно тающий снег.
Вспоминал я девчушку,
Ее глаз синий цвет.
— Есть французская миссия

На Руси много лет,
Тебя кто-то разыскивал, —
Мне поведал сосед. —
Приходили намеренно
Двое видных людей,
Говорили по-русски,
Ты меня хоть убей,
Больше ведала женщина
Про войну и про плен,
Что ее кто-то спас там.
Ее звали Элен.
Обещала навеститься,
Ищет встречи с тобой...
В это время звонок дверной
Зазвонил сам собой.
Отворяю я двери,
За порогом стоит...
Те ж глаза васильковые,
Тот же солнечный взгляд,
Те же руки упрямые,
Слегка вздернутый нос,
Та французская девочка,
Не вопрос, не вопрос!
Мое сердце воскликнуло:
— Подойди обними!
Ее губы ответили:
— Шер ами! Шер ами!

ПАМЯТИ БРАТА

Я в школу тебя за руку водил
В ту осень желтую, давным-давно когда-то.
Тебя и в путь последний проводил,
Оставшись навсегда без брата.
И осень пригорюнилась, ушла
В края безвестные, ссутулившись понуро.
Из рыжих листьев коврик принесла
Тебе, защитник славный Байконура.
Зачем, брат, рано в мир иной ушел?
Ведь ты всегда был чуточку упрямый.
Не в силах твой уход перенести,
Вслед за тобой умчалась наша мама.
Не спеть тебе теперь и не сплясать,
Не повстречать весенний праздник Пасху,
Подружек не приветить, не обнять,
Не нарядиться в желтую рубашку.
В дом не войдешь, не разведешь огонь,
Не запыхают золотые краски,
И в руки не возьмешь свою гармонь
И не споешь про островок Даманский.
Ты навсегда покинул отчий дом.
Тяжелая, прискорбнейшая дата.
И лишь печально пропоеет гармонь
О том, как проживает брат без брата.

* * *

Уеду ненадолго в далекие края,
Ночами будет сниться Россия, мать моя.
Напомнит про казахов,
Про сбор в Алма-Ате,
Как спас грузина Каху
На огненной черте.

То уведет вдруг в детство,
На речку, сеновал.
По тем местам-местечкам,
Где прежде я бывал.

Босой бегу по лужам с обручем в руке,
Душа моя открыта, и сердце налегке.

То вновь бреду по лесу с корзинкой на весу
И бережно люблюсь на дивную красу.

Невозможно смотреть без грустинки
На печальный осенний закат.
На полях цветут сентябринки,
Впереди золотой листопад.

А затем шаловливой порошей
Занесет, забуранит дома.
Иногда ты бываешь хорошей,
Озорная колдунья-зима.
Завьюжишь, заметишь
Тоску мою, печаль
И лебедем подраненным
Умчишь в шальную даль,
Умчишь в края далекие,
Привольные края.
Ночами будет сниться
Россия, мать моя!

* * *

Войну достойно, честно прошагали.
Война закончена, на ней поставлен крест.
Ярких побед Джомолунгма,
Добрых надежд Эверест.
Но не слышно пения птиц,
Пожелтели зеленые ели.
Майский взгляд устремляется ниц,
На душе холода и метели.
Утомились, устали солдаты,
Всюду кровь и гортанная речь.
Возвратиться скорей бы до хаты
И забраться на русскую печь.
И судьба пусть тебя пожалеет,
Утомленного горем и злом.
И от русской печурки повеет
Благодатным домашним теплом.
Спи спокойно, солдат с сединой на висках,
Что приснится тебе в боевых твоих снах:
И детишки, невинно убитые,
И поля, русской кровью политые,
И Варшава, и Речь Посполитая,
Злата Прага, дождями умытая.

Спи спокойно, солдат,
Ты теперь не один.
Пролетит над тобой
Журавлей мирный клин.
Вдаль уйдет все бывшее, прожитое —
И Варшава, и Речь Посполитая.

* * *

Яркая светит луна,
Освещая наш путь.
Скоро будет весна,
Не забудь, не забудь.

Зазвелят бубенцы,
Как награда за труд.
И бродяги-скворцы
Нам весну принесут.

А в далекой дали,
Там, где солнечный круг,
Поднялись журавли,
Созывают подруг.

Созывают подруг,
Чтоб не сбиться с пути
И на крыльях разлук
Нам любовь принести.

Над замерзшей еще плотиной
Шелестят быстрокрылые чайки.
Сердце дышит наставшей весной,
С Восьмым Марта
Вас всех, заводчанки!

Я, НАВЕРНОЕ...

Я, наверное, стал сентиментальным,
Чуть чего, и влажнеют глаза.
На весенние черные проталины
Посмотреть без радости нельзя.

Где-то далеко, где гаснет солнце,
Слышно трубный клекот журавля,
Скоро сбросит гнет и улыбнется
Стужей утомленная Земля.

Скоро лето, солнце засмеется,
Сноп света брызнут по росе,
И Россия, как Аленушка, проснется
В первозданной утренней красе!

ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ

Ты горела и таяла, как свеча на ветру.
И не знала, не чаяла, что уйдешь в пустоту.

Твои крестьянские натруженные руки,
Свершившие так много добрых дел,
Впервые изнывавшие от скуки,
Впервые оказались не у дел.

И глаза твои синие, ясней ясного дня,
Ни о чем не просили, не молили меня.
И седая головушка опустилась на грудь,
Ты сказала вполголоса: «Сын, со мною побудь».

Ни о чем не прошу среди белого дня,
Об одном умоляю: не забудьте меня.
И не ставьте мне памятник, обо мне не тужите.
Я хочу в вашей памяти, в вашей памяти жить».

Спасти тебя пытался и сделал все, что смог.
Но, видимо, иначе распорядился Бог.
Забрал в обитель вечную, наверное, любя,
Родную, безутешную, безгрешную тебя...

Глаза у китайнок хороши,
Как Хуанхэ излучины,
В них свет, тепло и доброта,
Но россиянки лучше!

Бывает, взглядом одарит
Прохожая-красавица —
И на душе так хорошо,
И жить бы, не печалиться.

Порою барышня идет
С хорошею фигурой,
А загляни в глаза, они,
Что туча, хмурые.

Иль кто обидел невзначай,
Иль чем-то недовольная.
Остерегись взгляда ее,
Ведь в нем сверкают молнии!

А если мир да благодать,
Пошутит, улыбнется.
Два озерка – ее глаза,
В них солнышко смеется!

Глаза у китайнок хороши,
Печальные, глубокие,
Но нет милее никого
Славянок синеоких!

ЗДРАВСТВУЙ, ГУРЬЕВСК

Посреди разветвленных дорог
Расположился наш городок,
Трудовой городок небольшой
С необъятной сибирской душой.

Припев:

Здравствуй, Гурьевск, город света,
Город трудовых побед.
Я люблю твои рассветы,
Я встречал их много лет.

Металлурги славят город,
Славят Родину, Кузбасс.
Не пройдет здесь лютый враг
И не одолеет нас.

Припев.

Нас зимой засыпали снега,
Значит, будет весна полноводная.
Пусть ведет тебя, Гурьевск, всегда
Золотая звезда путеводная!

Припев.

СКАЖИ МНЕ, ПЛАНЕТА...

Скажи мне, планета, планета Земля,
Зачем этим летом цветут тополя?
Зачем люди гибнут и тонут во лжи?
Скажи мне, планета, не медли, скажи.
Планета все медлит, планета молчит,
А мне мое эхо бесстыдно кричит:
– Скажи мне, планета, планета Земля,
Зачем этим летом цветут тополя?
– Прощу тебя, эхо мое, помолчи.
Видишь, Земля вострепелась в ночи,
Поежилась зябко, встряхнув забытье,
И отвечает на посланье мое:
– Коварен и злобен стал человек,
Сам по себе заедает свой век.
Конфликты и войны, торговля людьми.
Ваш мир неприятно меня удивил –
Одним нужны яхты, другим только хлеб.
Духовно обрюзг, обнищал этот век.
Я недра свои вам открыла, бери
И по-людски их, по-братски дели.
Но одним нужны яхты, другим только хлеб.
Духовно прогнил, измельчал человек. –
Планета вздохнула, повернулась в ночи,
– Пока. Если что, письмецо настрочи.

СТЕПНАЯ БЫЛЬ

По холодной безлюдной степи
 уходил от жестокой погони,
Умолял лошадей:
 «Потерпите, не поддайтесь, буланые кони!»
Темнота, не видно ни зги, к небесам обратился:
«О боги! Не губите меня и коней,
Не позволяйте нам сбиться с дороги».
Тишина, лишь полозья свистят,
Кони мчат, не меняя осанки,
И как птицы над степью летят
Кружевные плетеные санки.
Далеко еще до села,
 и никто не придет нам на помощь,
Хоть бы нам помогла молчаливая темная полночь.
Кони сбились, влетели в сугроб,
 не хлещу их, не стегаю.
Скоро вылетит за поворот
 беспощадная волчья стая.
Нынче, видно, не выбраться нам,
Не добраться до верного схрона.
На коленях лежит ружьецо,
А в запасе всего два патрона.
Но внезапно пробила луна,

осветила ночную дорогу.
Шевельнул вожжей неспеша:
 «Потихоньку, Буланушка, трогай!»
Кони лихо рванули в ночи
 круговую дорогой степною,
Словно циркулем вычерчен путь,
 только волки пошли целиною.
Село уж недалеко, и скоро переезд,
Два самых быстрых волка пошли наперерез.
Я им кричал, как Маугли, что мы одной крови,
Уйдите по-хорошему, по дружбе, по любви.
Однако не послушались, не повернули вспять,
По этой злой причине был вынужден стрелять.
Первый выстрел — и волк наповал,
А затем и второй выстрел грянул,
Волк упал, а потом побежал,
 потому что немного подранен.
Всполошилось ночное село,
Надо знать было местные нравы,
Волкодавы на помощь пришли,
Всех собак привели волкодавы!
А наутро сказал мне сосед:
«Твое счастье, что шли вы по ветру».
Только мне никогда не забыть
Геометрию тех километров.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Лишь ладонями пальцы потрогал
И ушел на долгие года:
– Я вернусь, не грусти, недотрога,
Вспоминай обо мне иногда.
И ночами тревожными снятся
Далекой подруги лицо,
И над мирной Землею стремится
Белой птицей ее письмо:
– У нас тут метели и вьюги,
Но всем непогодам назло
До сих пор мои руки
Хранят твоих рук тепло.
По вечерам из школы
Домой детишки спешат.
Как ты на войне тяжелой
Живешь и служишь, солдат?
– У нас бомбёжки, взрывы, ракеты,
И закаты встречают рассветы,
Океан – не видать берегов.
А письмо твое – капелька лета,
Запах леса, дыханье лугов!
И у вас, небось, белая стынь.
Одевайся теплей, не простынь.

По тебе я скучаю, вот и вся недолга,
И любовь твоя, милая, растопила снега,
Улетели метели, отошли холода!
Вот одержим победу, я вернусь навсегда.
Отгремят канонады, и развеется дым,
И бесцветное небо станет вновь голубым.
Я вернусь в край чудесный,
В край Мазая, зайчат,
Будем мирные зори
Над рекою встречать!

* * *

Спаси, Мать-Земля, сохрани, сбереги!
Как туча, на нас навалились враги.
Копая окоп я, а ветер жужжит:
– Дожить до Победы, дожить бы, дожить...
Отец не вернется и брат не вернется,
Так пусть хоть меня моя мама дождетсЯ.
Враги впереди и враги позади.
Малая саперная, не подведи!
Гремит канонада, кругом все дрожит.
Дожить до Победы, дожить бы, дожить...
Успел, окопался, к себе уж зовет
Мой верный помощник – ручной пулемет.
Я выпустил ленту по цепи врага
И вижу, она поредела слегка.
Атаки идут за накатом накат,
И вот в рукопашную поднял комбат.
Бегу я в атаку, а ветер жужжит:
– Дожить до Победы, дожить бы, дожить...
И с музыкой этой прошли мы войну,
Осилили битву еще не одну,
А ветер-бродяга, что песни мне пел:
– Я вижу, братишка, и ты уцелел!
И друг мой, с которым махорку курил,

Дожил до Победы, дожил ведь, дожил!
И вот эшелоны пошли на Восток,
Вернулся домой, на родимый порог.
Моя мать-старушка встречает любя:
— Здравствуй, сынок, я дождалась тебя!

* * *

Не успел песню спеть соловей,
Только три заключительных слога,
Как бедой загремела война,
И солдата подняли в дорогу.
Воевал, не щадя живота,
Поливал землю алою кровью
Для того, чтобы враг не прошел,
Не порушил родимого крова,
Чтоб рождалась в семье детвора,
Ангелочки, посланники Бога,
Беззаботно играла, росла
И не знала бы слова «тревога»,
Чтоб не от пушечных снарядов
Гудела Курская дуга,
Чтоб после грозových разрядов
Сияла в небе радуга!
Чтоб ветер, забияка-ветер
Грусть лишь с пшеничных нес полей,
Чтоб рано утром, на рассвете,
Допел ту песню соловей.

ВОДОПАД

Видно, мне показалось спросонок,
Где-то звонко заржал жеребенок.
А погода стоит — не дай бог,
Не дает выходить за порог!
Ветер воет, и ливень шумит,
За порог выходить не велит.
Видно, мне показалось спросонок,
Но повторно заржал жеребенок.
Я оделся и вышел во двор,
Во дворе волкодав Мухомор,
У ворот кобылица лежит,
Вся изранена, мелко дрожит.
Рядом с ней жеребенок хлопочет,
Он поднять свою матушку хочет.
Глаза темные, грива волной,
Вороной, вороной, вороной!
Я соседа позвал ветврача,
Накричал на него сгоряча:
— Что вам тут, Сальвадор или Чили?
Вас чему в институте учили?
Бородою своей не тряси,
Помоги кобылицу спасти.
И руками развел ветеран:
— Кобылица погибнет от ран,

Тут удачу зови не зови,
 Не восполнишь потерю крови.
 Вот такие, братец, дела.
 Хорошо еще, что родила,
 Лишь пробилась к людскому жилью,
 Не поддалась лесному жулью.
 Волки точно бы ворвались во двор,
 Не пустил их сюда Мухомор.
 Он собрал всю собачью рать,
 И сумели волков отогнать.
 — Что же делать теперь с сосунком?
 — Веди в хлев, напои молоком.
 О находке тотчас же объявим,
 Может быть, и найдется хозяин.
 Стригунка я увел в теплый хлев,
 Молока для него подогрев.
 — Как тебя угораздило, брат?
 И назвал я его Водопад.
 Я семью свою всю озадачил,
 Не поднять жеребенка иначе.
 Год прошел, жеребенок подрос,
 Не боялся ни бури, ни гроз,
 И скакал вдоль бескрайних полей
 Водопад, Водосток, Водолей!
 Глаза темные, грива волной,
 Детвора прозвала «Волоной».

Год прошел, а затем и другой,
Возмужал, повзрослел вороной.
Искрометный, размашистый шаг,
Чистокровный орловский рысак.
Уезжал я всегда на денек,
Возвратился — пропал мой конек,
Глаза темные, грива волной,
Вороной, вороной, вороной.
Я поля все и фермы объехал,
Издали раздавалось лишь эхо:
— Как тебя угораздило, брат
Водосток, Водолей, Водопад?
Рысака было до смерти жалко,
И пошел к Земфире-гадалке.
И гадалка раскинула карты:
— Конь в России, не где-то в Джакарте.
Вижу много горящих огней
И бегущих, летящих коней.
А тебе, драгоценный, дорога
Далеко, в край уральских отрогов.
Едешь ночью, воротишься днем
Не один, а с найденным конем...
День прошел, я собрался в дорогу,
Далеко, в край уральских отрогов.

Поезд тронул, колеса стучат:
 – Как тебя угораздило, брат?
 Прибыл в город большой, незнакомый,
 На постой стал в гостинице «Сокма»,
 Что вблизи ипподрома.
 День прошел, я вопросы решил
 И в гостиницу вновь поспешил.
 И сосед мой по номеру, Дрон,
 Пригласил меня на ипподром –
 В царство вечно горящих огней
 И бегущих, летящих коней.
 Ипподром встретил холодно, сухо,
 Как сварливая, злая старуха.
 И строкою вещал интернет:
 «Скачек нет! Скачек нет! Скачек нет!»
 В проходной старый сторож дремал,
 Телевизор его донимал.
 – Ты скажи мне, почтенный отец,
 Не прибился ли здесь жеребец?
 – Проезжал здесь залетный купец,
 При нем был молодой жеребец,
 Искрометный, размашистый шаг,
 Чистокровный орловский рысак.
 И с хозяином бил по рукам,
 И хозяин купил рысака.

Только вот незадача: молчит
И с тоской на дорогу глядит,
Мало ест и почти что не пьет,
И кого-то с надеждою ждет.
Попросил я тогда старика:
— Покажи мне, отец, рысака.
И старик мне кивнул головой:
— Покажу-покажу, дорогой.
Поведу я тебя вдоль станков,
Та ^{ты}увидишь других рысаков:
Злато, Пепел, Зенит и Ордын,
Знойный, Ветер, Артист, Баргузин,
Черкес, Буйный, Вертун и Ворчун,
Да и тот, что купили, Молчун.
Словно в сердце вонзили тесак:
В крайнем стойле заржал вдруг рысак!
Острый взгляд, как граненый алмаз,
И слеза покатилась из глаз.
— Как тебя угораздило, брат
Водолей, Водосток, Водопад?!
И заохал старик: — Ах да ох,
Но какой же коварный подвох!
Знатный, значит, был тот молодец —
Мимолетный заезжий купец,
Да и цену еще заломил,
Кучу денег в карман положил.

– Что же нам теперь делать, отец?
Может быть, тот купец – и подлец?
Ты на шею коня посмотри,
Там видны конокрадки следы.
А теперь хохочи хоть, хоть плачь,
Не вернуть улетевшего вскачь.
Обо всем мы с тобой посудачим,
Расскажи мне, отец, когда скачки,
Кто участвует, кто фаворит
И победа кому привалит?
– В скачках будут Султан, Падишах,
Привезет их сам шейх Аль-Сабах.
Также будут Тулпар, Артамак
И маститый арабский рысак.
Это все фавориты, кроме оных.
Главный приз – много тысяч зеленых.
Только нам не уйти от позора,
Не пробиться, наверно, в призеры.
– Старина, погоди горевать.
Ясно, здесь королевская рать.
Коль позволят, смогу я помочь
И большую беду превозмочь.
Я не то что какой-то лакей,
А бывалый заправский жокей.
– Вижу, парень, ты есть молоток,
А хозяин – мой младший браток.

Ты во всем положишь на меня,
Приз возьмешь — забираешь коня.
А пока, чтобы снять напряжение,
Кликну брата, пусть даст снаряжение.
Вижу, конь тебе искренне рад,
И теперь вам сам дьявол не брат!
Я не буду докучливым, верь мне,
Потихоньку готовь коня к дерби.
За неделю окреп мой рысак,
Искрометным стал медленный шаг,
Успокоился, ржать перестал.
Наконец и день скачек настал.
Ипподром — остров радости, света,
Много быстрых летящих коней —
Воплощение знойного лета!
Гонг пробил — вот и первый кружок.
— Будет повод поостроже, дружок.
Это лишь заголовок пути.
Потерпи, вороной, потерпи!
Скачка бойко, азартно пошла,
Вороной закусил удила,
Фавориты ушли лишь на шаг,
Неуступчив орловский рысак!
Позади лишь две трети пути,
Фавориты чуть-чуть впереди.

потерпи,

Позади лишь две трети пути,
Потерпи, вороной, потерпи!
Приз возьмем и вернемся домой.
Гонг пробил – вот последний кружок.
– Отпускаю поводья, дружок.
Трудно спорить с разжатой струной –
И красиво пошел вороной!
Вспомнил запах бескрайних полей
Водопад, Водосток, Водолей!
Позади уж Тулпар, Аргамак,
Впереди лишь арабский рысак,
Впереди лишь арабский скакун
Каракум, Каракум, Каракум.
Но, не зная препон и преград,
Догоняет его Водопад.
Величавый, божественный шаг,
Чистокровный орловский рысак!
И уже вдоль ревущих трибун
Черной пулей летит Каракум,
Но тяжел его царственный шаг.
Обгоняет орловский рысак,
Глаза темные, грива волной,
Вороной, вороной, вороной!!!
И трибуны кричат невпопад:
– Молодей, молодец, Водопад!

43

ТИХО ДОЖДЬ ШЕЛЕСТЕЛ

Тихо дождь шелестел, с гор стекала вода,
Неизвестно куда убегали года.
Я откинул полог, распахнул свой шатер
И решил прогуляться к подножию гор.

Там, в небесной выси, у отвесной скалы
Величаво и гордо парили орлы,
А немного поодаль, у треснувших скал,
На помятой траве бледный всадник лежал.

Набок сбилась чалма, изломался посох,
Взгляд страдальческих глаз утомился, засох.
Я беднягу поднял и унес в свой шатер,
Положил на постель, полотенцем растер.

А когда он, очнувшись, окликнул меня,
Я помог ему встать, посадил у огня,
Напоил, накормил и вином угостил.
Он хотел уходить, я его не пустил:

— Для тебя есть мой кров, есть ночлег и еда.
Поживи у меня, не ходи никуда.
Старец быстро окреп, излечился от ран,
По ночам в тишине он читал мне Коран.

А как только забрезжит багряный рассвет,
Он штудировал Новый и Ветхий Завет.
Время быстро прошло, он решил уходить,
Я не медля собрался его проводить.

Посмотрев мне в глаза, мудрый старец изрек:
— Я желаю всех благ для тебя, человек.
Вижу, ты поотважнее льва,
Когда надо, покладистой лани.

И за то, что согрел ты меня,
Я исполню твоих пять желаний.
За поспешный уход ты меня не кори
И желания свои говори.

— Я хочу, чтобы мир воцарился под этой звездой,
Чтобы мама моя была век молодой,
Чтоб отец не хворал, не болел
И тревоги свои одолел.

Чтобы свет вдруг зажегся в далеком окне,
Чтобы братья мои возвратились ко мне.
А еще вот о чем я хочу попросить:
Чтобы мог я с тобой иногда говорить.

Тихо дождь шелестел, с гор стекала вода,
Неизвестно зачем убегали года.

* * *

Солнца светлые блики заиграли в воде,
Жеребенок игривый привыкает к узде.
Солнце, словно блудница, притаилось за тучей.
Жеребенок вчерашний – иноходец могучий.

Лучи пляшут по пашне,
По дубраве и лугу,
Вслед за ними вчерашний
Жеребенок по кругу.

– Не спеши, златогривый, усмири свою поступь,
Нелегко отыскать драгоценную россыпь.

Но все так же упрямо
Через время и выюгу
Все бежит и бежит
Иноходец по кругу.

Пятиэтажка около горсада.
В знакомых окнах — незнакомый свет.
Моей мятежной юности отрада,
Моей мятежной юности рассвет.
И вновь альбомы старые листаю,
На снимке — мы под утренней звездой.
И ты стоишь, красивая такая,
А рядом я, красивый, молодой!
Мы по жизни спешили красиво
Проторенной дорогой, не зыбкой,
Но судьба улыбнулась вдруг криво
Гуинпленовской страшной улыбкой.
И расстались друзья и подруги,
Зачастили снега и морозы,
А печальные ветры разлуки
Осушили прощальные слезы,
Разбросали, как в море песчинки,
Жизни штормы, ветра и невзгоды.
Снова встретились две половинки,
Спустя долгие-долгие годы.
Я так хотел светить, хотел блистать,
Дышать тобою, пока сердце билось.

Хотел навек любимым твоим стать,
Хотел, да не получилось.
И вот теперь, навеки расставаясь,
Гуляем мы под утренней звездой.
И ты идешь, красивая такая,
А рядом я, усталый и седой.

* * *

Арбат московский, гурьевский Арбат...
Печи-мартены без устали горят,
Пламя сверкает, словно бы хрусталь,
В печах-мартенах выплавляют сталь.

Который день уже, который год
Наш Гурьевск процветает и растет.
Пусть над трубою вечно вьется дым,
Почет – пожившим, слава – молодым!

А в сорок третьем памятном году
Солдаты погибали на ходу.
Холодные губы шептали в крови:
– Живи, моя Родина! Гурьевск, живи!

Арбат московский, гурьевский Арбат...
Отряд неброский гурьевских ребят,
Отряд сплоченный, как девятый вал,
Пролитой кровью Отчизну защищал.

Почти ровесники молодой страны,
Немногие вернулись с той войны.

В атаку рвались, рухнув на бегу,
Сраженные на розовом снегу...

По городу течет Бачат-река,
Жилища строим прочно, на века.
Благословен, отмечен ратный труд.
Пусть люди долго, счастливо живут!

* * *

В одном строю стоят седоголовые
И желтые совсем еще юнцы.
А ветерки вечерние бедовые
Разносят белый пух во все концы.

Одуванчики степные,
Яркий, красочный разбег.
Одуванчики степные –
Скоротечен жизни бег.

Время – знахарь, время – лекарь,
Время – деньги, время – зло.
Как таинственный аптекарь,
Изучает ремесло,

Время – циник, время – лирик,
Время – горе, время – стыд.
На весы положит гири
И услышит, и простит.

Время – ветер, время – странник,
Время – вечность и пророк,

Как единственный избранник,
Измеряет жизни срок.

Время вылечит все раны
И излечит от тоски.
Вам, седые ветераны,
Побелит мукой виски.

Время – золото, время – олово,
Время – слезы, время – боль.
Посыпает пеплом головы,
Хоть глаголь, хоть не глаголь...

В одном строю стоят седоголовые
И желтые – совсем еще юнцы.
А ветерки вечерние бедовые
Разносят белый пух во все концы.

Нельзя стрелять в беспомощных людей
Не из-за злобы, не от скуки.
Поборники чудовищных идей,
Вы тоже чьи-то дети, чьи-то внуки.

А что, если в Таиланде иль Вьетнаме
Вдруг кто-то выстрелит по вашей маме,
И выстрел грянет тихо и невнятно?
Бьюсь об заклад, вам станет неприятно.

Вам сразу станет горько и обидно:
– Стрелять по людям? Где же это видано?!
Пылала ночь, горели одесситы.
Им бы помочь, а вы – бейсбольной битой...

А чтобы было действие безотказно,
Людей травили ядовитым газом.
Убили – обвинили в суициде,
Подумали, все будет шито-крыто.

...Пройдут года, минуют грозы,
Ночное небо вряд ли станет чистым.
Печальный ветер шелестит в березах:
– В Одессу тихо заползли фашисты.

* * *

Белый снег. Старый лес. Хмурый взгляд.
И слова наугад, невпопад.
Торопливые, злые слова,
А из слов возникает молва.

И дамокловым виснет мечом,
Но слова здесь совсем ни при чем,
Безупречен порою их бег,
А виною всему — человек.

Белый снег вдруг растает, как дым,
Старый лес хочет стать молодым.
Хмурый взгляд может ласковым стать,
А слова — обогреть, приласкать.

Добрый взгляд,
Младой лес,
Талый снег.
А в основе всего — человек.

НА МАЙДАНЕ

Затих, замолчал говорливый Майдан.
Ночью здесь появился
Хмельницкий Богдан,
Гневно зыркнул глазами, как светом:
– Что творите здесь, сукины дети?

Люди! Как же вам не стыдно?
Вижу, тут – обитель зла.
Это где же было видано,
Чтоб хохол против хохла?!

Ни к чему ногами боле
Перед Западом сучить.
Лучше надо было в школе
Вам историю учить.

Географией шуруете
На Майдане день-деньской
И своей страной торгуете,
Словно шлюха на Тверской!

Тех, кто предал Украину,
Без угрозы, без хулы

В стародавнюю годину
Мы сажали на колы.

Запад лучше бы не слушать,
Запад вам наговорит,
Души братские нарушит
И страну разъединит.

Хохлом надобно родиться,
Чтобы взять свой «Измаил».
«Кровь людская – не водица», –
Писал Стельмах Михаил.

Стой, Днипро, несущий воды
Среди хмурых берегов,
Когда братские народы
Кто-то травит, как щенков.

Когда западные стервы
Будут счастливы вполне,
Когда сам Михайло Стельмах
Загорюет о стране.

Когда светлые мгновения
Улетят куда-то вдаль

И когда Тарас Шевченко
Запоеет свою печаль.

Прежде били Украину
И татары, и паны.
В степях головы сложили
Ее лучшие сыны.

Украина, Украина,
Ты – окраина Руси.
А если мне не верите,
Историю спросите.

...И вновь загудел, загорланил Майдан,
В мираж превратился Хмельницкий Богдан...

РАЗГОВОР С ОБАМОЙ

И никакая вовсе тут не драма,
Ведь я и сам не знаю, почему
Мне жутко нравится Мишель Обама,
А вот Барака что-то не пойму.

«Барак» – в России слово неприветное.
Обитель бедных – хижина, барак.
Как птица белая с черною отметиной,
И вечный спутник – холода́ и мрак.

– Извини, Барак, послушай,
Человек, а значит, брат,
Как погибших наших души
Что-то тихо говорят:
«Тридцать миллионов жизней
Тысячу и сотни дней
Погибали за Отчизну
И печалились о ней...

Мы Европу защитили
От коричневой чумы,
А теперь вот газом греем
И спасаем от зимы».

Что ж, Барак, давай закончим
Никому не нужный спор.
С Хиросимой все понятно —
Это месть за Перл-Харбор.

Только все же, если строго,
Будем честными людьми,
Ты скажи мне, ради бога,
Что вам сделала Сонгми?

Человеки, человечность
У Вольтера и Дюма.
Так по чьей же злой беспечности
Полыхали роддома?

Люд российский ровно дышит,
Крепись, матушка-земля!
Приносите, мы подпишем
Дорогие векселя...

* * *

Сегодня я проснулся сам не свой.
Приснился брат, как будто бы живой.
В рубище белом, только без креста.
С креста снимал распятого Христа

И говорил мне: «Брат, ты не забудь,
Что нас с тобой одна вскормила грудь,
Что нас с тобой одна ласкала мать,
Ходить учила, говорить, читать.

Учила жить: чужого не бери,
Что птицы с красной грудкой – снегири,
Любовью ближним за любовь воздай,
Пятак последний нищему отдай.

Голодного обедом угости,
А грешному грехи его прости.
Больному посочувствуй, помоги,
От жадного, богатого – беги.

Как станешь взрослым, детям говори:
«В морскую даль уходят корабли,

Что утро – продолжение зари,
Что нет милей отеческой земли».

Наутро я проснулся сам не свой,
Приснился брат,
Как будто бы живой.

* * *

Дымился садик грушевый
И крыша со стеной.
Погиб и мишка плюшевый,
Он был такой смешной.

Снарядом все разрушено
И брошено в пургу.
И кукла в летнем платье,
Босая на снегу.

– Сынок, ты что не кушаешь
И плачешь за стеной?
– Погиб мой мишка плюшевый,
Он был такой смешной.

И тягостно, и горько
Мальчишке-сорванцу,
Он склеил треугольник –
Письмо на фронт отцу:

«Вчера я плохо кушал
И плакал за стеной»

Погиб мой мишка плюшевый,
Он был такой смешной.

Я уж совсем не маленький,
Учусь писать, прости.
За дом, за садик грушевый
Фашистам отомсти».

Заветный треугольник
Уже вручен бойцу.
И радостно, и больно
Письмо читать отцу,

И тает в сердце льдинка
Зимою, вот те раз!
Сынок, его кровинка,
Дает ему наказ

Громить врага бездушного
И в стужу, и в пургу
За дом, за садик грушевый,
За куклу на снегу!

И вот весной чудесною,
Победною весной
Пришел солдат на Родину,
На Родину, домой.

Пришел солдат израненный,
Истерзанный войной —
В котомке мишка плюшевый,
Веселый и смешной!

* * *

Снег искристый и синий.
Переливчатый снег.
По безлюдной пустыне
Тихо брел человек.
Может, он заблудился
Иль дорога не та,
Но в душе и на сердце —
Пустота, пустота.
Еще вроде не вечер,
И не прожит твой век,
Человек, человечек,
Успокой жизни бег,
И сторонущке русской до земли поклонись
И улыбкой негрустной улыбнись, улыбнись,
Улыбнись же улыбкой щербатой,
Без вины, но всегда виноватой.
Улыбнись же улыбкой негрустной,
И тогда все поймут, что ты — русский.

* * *

Заросли лебедою поля,
И горюет, и плачет земля:
Что творится? Июнь на дворе!
Сеять будем когда, в январе?
Где крестьянин, трудяга-мужик?
Затяни посильнее гужи,
Запряги лошаденку свою,
Чтоб еще постоять на краю,
На краю возле той полосы,
Где потом зашуршат колоски
И нальется, созреет зерно,
Как забродившее в чане вино.
Рожь, пшеницу, овес и ячмень
Торопись, убирай, коль не лень.
Дома надо собрать колоски,
Нечего из Канады везти!
Но заросли лебедою поля,
И горюет, и плачет земля...

«КАК ЭТО ПО-РУССКИ?»

Ночь. Фонарь. Аптека. Город.
Где-то лампочка горит.
Имиджмейкер сисадмину что-то тихо говорит:
– Был я в Риме и в Париже,
На Канарах бывал тож.
Прежде был Егор Канаев,
А теперь – О’Коннор Джордж!
«Спикер», «хакер», «дайвер», «сканер» –
Писать больше не берусь.
Ты куда летишь, шальная,
Незадачливая Русь?
«Дайвер» – стало быть, ныряльщик,
Что сигает в глубину.
Это просто и блестяще,
Остальное не пойму.
Расскажу я, будь спокоен,
И об этом, и о том.
Что защитник – это воин,
Защищенный лишь щитом.
Мой печальный сказ об этом,
Знать, корабль дает течь.
Невозможно быть поэтом,
Не храня родную речь...

* * *

Что ж, присядем на дорогу
И подтянем поясок.
Соберем посылку Богу –
Синих ягод спелых сок.

Отошлем гостинцы сада,
Дары леса и тайги.
И, наверное, так надо,
С диким медом пироги.

Расшитое полотенце
С толкованьем мудрых слов,
И с агуканьем младенцев,
И с ворчаньем стариков.

Хлеба белого коврижку –
Хлебом славится страна.
И под занавес, под крышку –
«Полотно» от пацана.

Та нехитрая картинка
Может всех повергнуть в шок.

На листке оставил надпись
Семилетний малыш.

На картинке солнце светит,
А с обратной стороны:
— Я хочу, чтобы на свете
Больше не было войны!

Я тихо с поезда сойду
Назло снегам и ветру
И помаленьку побреду
По Москве приветливой.

По городу бежит-течет
Река Москва-красавица.
Причалов правильный расчет
Мне, несомненно, нравится.

По набережной Москвы-реки
Я прошагаю щеголем,
Ведь здесь в старинные деньки
Гуляли Пушкин с Гоголем.

Вот это были мастера!
Вот это была силища!
И что-то тихо говорил
Сергеевич Васильичу.

О чем беседа та была,
Я бы хотел послушать.

А где-то там, на облаках,
Витают Ваши души.

Витают, греют и творят,
Творят богам на зависть.
А я пытаюсь приподнять
Времен тяжелый занавес.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Нам не встретиться.....	4
Диалог	5
«Хрупкий листик надежды с тонкой ветки сорвется...» .	6
«Унылый взгляд, опущенные плечи...»	7
Памяти брата	8
Апокалипсис	10
«По утрам вороний гомон да сорочий перезвон...»	11
«Темный лес, а над лесом луна...»	12
«Анталья, Рим, Венеция, Париж...»	14
«Бой не закончен...»	16
Памяти брата	18
«Уеду ненадолго в далекие края...»	19
«Войну достойно, честно прошагали...»	21
«Яркая светит луна...»	23
Я, наверное... ..	24
Памяти моей матери	25
«Глаза у китайнок хороши...»	26
«Здравствуй, Гурьевск...»	28
Скажи мне, планета... ..	29
Степная быль.....	30
День Победы	32
«Спаси, Мать-Земля, сохрани, сбереги!..»	34
«Не успел песню спеть соловей...»	36

Водопад.....	37
Тихо дождь шелестел.....	45
«Солнца светлые блики заиграли в воде...».....	47
«Пятиэтажка около горсада...».....	48
«Арбат московский, гурьевский Арбат...».....	50
«В одном строю стоят седоголовые...».....	52
«Нельзя стрелять в беспомощных людей...».....	54
«Белый снег. Старый лес. Хмурый взгляд...».....	55
На Майдане.....	56
Разговор с Обамой.....	59
«Сегодня я проснулся сам не свой...».....	61
«Дымился садик грушевый...».....	63
«Снег искристый и синий...».....	66
«Заросли лебедю поля...».....	67
«Печально, что в былое не ходят поезда...».....	68
«Как это по-русски?».....	69
«Что ж, присядем на дорогу...».....	70
«Я тихо с поезда сойду...».....	72

Литературно-художественное издание

Похабов Петр Васильевич

СКАЖИ МНЕ, ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ...

Редактор **Е. В. Фефелова**
Технический редактор **В. И. Труханова**
Компьютерная верстка **О. А. Кузнецовой**
Дизайн обложки **И. А. Коробов**

Подписано в печать 16.08.2014. Формат 70х100¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,1. Тираж 300 экз. Заказ № 245

Адрес издательства и типографии «Кузбассвуиздат»:
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7.
Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77.
E-mail: 58293469@mail.ru

ack

